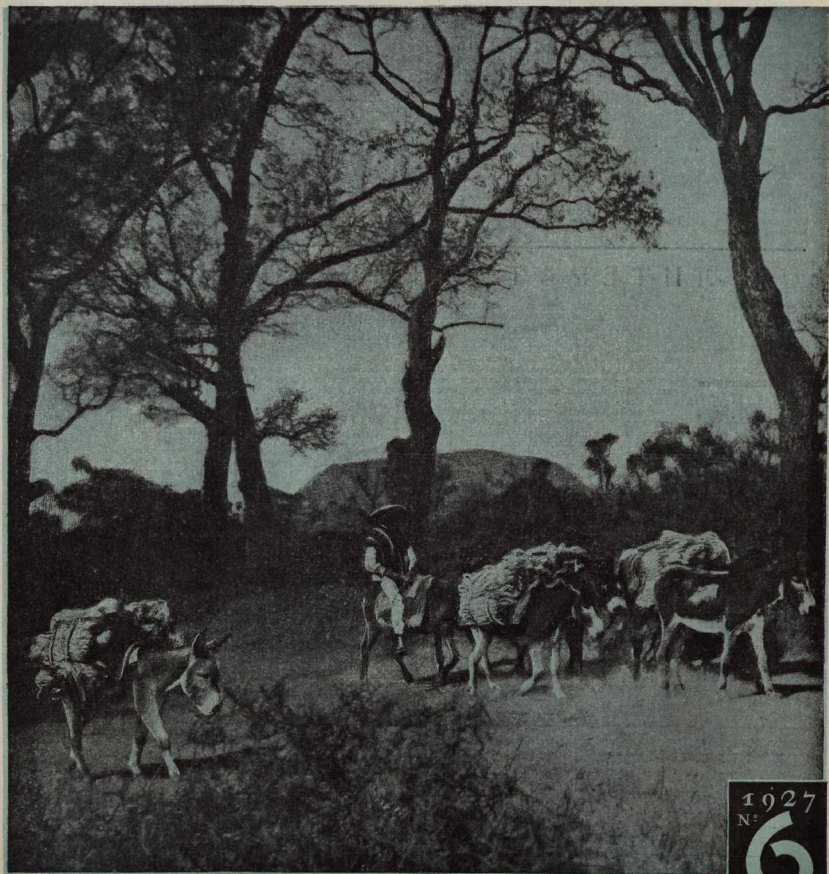

СМЕНА

2

ПЕРВОНАЧАЛ
ВВЕДЕНИЯ
С. С. С. С.

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

В дебрях Мексики

Издательство „Молодая Гвардия“

1927
N°
6

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский переулок, д. № 3/4, Тел. 1-30-18

Работники привлекаются, написанные на машинке или черни от руки на одной стороне листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И В МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год	— 24 мес.	... 3 руб. 00 коп.
• 6 мес.	— 12	... 1 50
• 3	— 6	... 1 00
• 1	— 2	... 30
Отдельный №	• 20

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8

Очерк В. КЕТЛИНСКОЙ

РЕДАКЦИЯ НАСТОЯЩИМ ОЧЕРКОМ ОТКРЫВАЕТ ДИСКУССИЮ НА ТЕМУ «ЗАМУЖЕСТВО И КОМСОМЪЛЪ», ПРИГЛАШАЯ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ В ЖИВЫХ ОЧЕРКАХ, КОРРЕСПОНДЕНЦИЯХ И ПИСЬМАХ ОТЛИКНУТЬСЯ НА ВОПРОСЫ, ЗАТРОУТЫЕ В ОЧЕРКЕ

Я не буду в этом очерке хвалить наших девушек-комсомолок, доказывать, что они делают и могут сделать, призывать их к дальнейшему выдвиганию...

Я вижу, как часто мы не замечаем и не поддерживаем самого ценного, самого нужного для нас в молодой работнице, в молодой активистке, что проявляется в наших девушках-комсомолках наперекор домашнему быту, влиянию условий и среды.

Я знаю одну девушку-текстильщицу, работавшую секретарем ячейки. Она никогда не считалась хорошим работником, ее никогда особенно не ценили, выдвигать ее на основную работу в коллективе было трудно. Да и немудрено — она редко выступала на собраниях, горячо говорить не умела и не любила, и вся ее работа — добросовестная и небольшая — никогда не бросалась в глаза.

Я помню, было цеховое собрание. Она пришла, как всегда, первая, начала регистрацию, созвала ребят. Она волновалась, бледнела — в этот день в город приехала на несколько часов проездом в Сибирь ее сестра... Поезд отпрываетесь в 7 часов... Собрание протянется до шести с половиной... Сестру не видела три года, и сколько лет не увидит опять... И все-таки она не ушла.

Мы часто отмечаем, что девушки находят тысячи причин, чтобы уйти с собрания, с политшколы, с заседания — «субы болели», «поды мыла», «к доктору ходила», — это мы замечаем, это мы подчеркиваем. Но как мало мы ценим тех наших комсомолок, которые забывают личные дела ради дел комсомольских, которым приходится выносить дома брань, упреки, насмешки, которые после рабочего дня и нескольких часов обществен-

ной деятельности должны выполнять дома другие свои обязанности — хозяйки, жены, матери...

Девушка с сияющими глазами

На днях я была на фабрике, где когда-то работала, и там встретила среди старых знакомых молоденькую краснощекую прядильщицу — Варю. Мы с нею одно время работали рядом; тогда она не была комсомолок и на все мои вопросы отвечала со смехом и смущением:

— Да я ничего не понимаю... Ну, куда мне в комсомол... — Она узнала меня. Стараясь перекричать шум машин, я ее спросила, комсомолка ли она, работает ли она в комсомоле.

Она повернула ко мне сияющие глаза.

— Я теперь от комсомола в коопбиро, на кооперативных курсах учусь... — и стала рассказывать, как вступила в комсомол, как стала работать и полюбила свое небольшое, нужное дело...

Дома, в семье увлечение Варь не встречает одобрения. Ее нарочно нагружают домашней работой, чтобы отвлечь от ее «коопбиро», чтобы иметь случай личный выноситься дома упреки за невымытый пол, за невыстиран

ную салфетку. Должно быть и ее парень, с которым она гуляет в свободные часы, несмотря на свой комсомольский билет, и на свою активность в коллективе, не раз пробовал ее уговорить:

— Да пропусти ты сегодня свои курсы... поудамашь, важность! Пойдем курсы в кино...

Но Варя работает. Ее глаза сияют от увлечения работой. Она не отдаст ни одного часа учебы на курсах ради кино, ради развлечения...

Что может быть с Варей?

Варя не одна. Таких Варь не мало — мы все это знаем. Но что будет дальше с этой Варей, когда она станет старше — выйдет замуж, будет иметь ребенка...

Может быть, да и наверное, она не захочет бросить комсомол, может быть, она будет цепляться за свое место в комсомольских рядах, за свою работу, за свои курсы. Но сумеет ли она отстоять себя, как комсомолок?

Я спрашиваю это потому, что и в домашнем быту, и даже в коллективе наши девушки не встречают настоящей поддержки и помощи.

Комсомолка М. вышла замуж, ушла в декретный отпуск. За это время, в перерывы, ее заменили в бюро ячейки другой... Радостная,

М. вернулась на фабрику, в коллектив. Узнала, что она уже не считается активисткой, огорчилась, но решила снова работать и доказать, что работать сможет. Ее выделили... в юнессию... Там, конечно, она работать не могла, это отнимало все вечера, — а дома был ребенок, была стирка пеленок, было хозяйство... Она просила дать ей работу попроще — ей обещали: «подожди, дадим... Ребенок заболел, продажи, выпусти два собрания... А досужливый юнок едко проревел в стеногазете под заголовком «омещанидасы»... Теперь эта комсомолка ушла из наших рядов... Но бывает еще хуже, еще грубей...

С ребенком — будет хуже работать

Комсомолка-активистка, все свое время отдававшая работе, работала в райкоме инструктором по домам... Работала хорошо, ею были довольны, а когда ей надо было уходить в декретный отпуск — еле отпустили. Прошло 4 месяца — она с удовольствием пошла в райком работать... Но в райкоме ее встретил удар. Ее заменили, постановили «отпустить с работы», ей просто сказали, что ее заместитель оказался лучшим работником, чем она, но что ее могут послать... ну, хотя бы вожатым базы...

Это не требует никаких пояснений. Мы умеем говорить о цене человека, о том, что работу среди девушек нужно усилить, улучшить и углубить. — но как часто, не замечая самого ценного, хорошего в девушке-активистке, мы ее отталкиваем, топчем ее самолюбие, ее желание работать, убиваем в ней стремление и силы совместить материнство с комсомолом.

Комсомолки обсуждали и решили

Недавно ленинградские швейницы-комсомолки проводили диспут на тему «Замужество и комсомол». Они рассказали друг другу, как тяжело быть активисткой после выхода замуж, даже тогда, когда муж комсомолец или партией.

Одна из них рассказала следующее: «Когда я вышла замуж, думала, что будет совсем иначе, чем оказалось. Муж-партиец дома оказался совсем другим, чем в коллективе. Он мне говорит: «Что же, я тебя для того взял, чтобы ты по

собранием бегала?» А когда я стала говорить, что он партиец и ему должно быть стыдно, он предложил разойтись... а это не легко сделать, особенно, если любишь».

И все-таки на этом диспуте говорили, что девушка и сама бывает виновата, не предупредив заранее мужа и подчиняясь его требованиям, что нужно самим бороться за себя, за свою комсомольскую активность, что нельзя молчаливо терпеть и ждать, когда изменятся условия быта и отношение к женщине.

Бороться за каждого члена организации

Когда в Ленинграде комсомолцы встретили «Конец Криворильска», весь зал аллодировал словам комсомолки Бергман, что «нужно драться зубами за каждого человека в нашей организации».

Нужно, чтобы это было так и в повседневной жизни, когда так много девушек незаметно уходят с общественной арены, когда их постепенный отход от комсомола видна просто не замечается за «море важными делами», а иногда даже поощряется грубостью, невниманием, насмешкой...

Нужно, чтобы комсомол бичевал и каждого заработавшегося активиста, не желающего чуток отступить к комсомолке-матери и помочь ей совместить работу с материнством, и каждого, хотя бы и «шибо-активного» комсомольца, который не хочет и не умеет в своей подлуге жизни увидеть товарища по организации. Упорно бороться за каждую девушку в рядах комсомола — вот что нужно!

НАТАША

В губах горячих — кровь и молоко.
Глаза не плачут ни тоской, ни гневом.
Она решила: просто и легко,
Итти, чтоб услышать станковые напевы.
Она пришла, ругая гарь и пыль,
Ругая все горящее на свете, —
Все шестеренки бешеные эти
И дизель разогорченный пыл.
Сначала грусть не падала елишь,
И сердце билось девичье неровно, —

Они грубы и очень гладнокровны —
Родных машин мугунные сердца.
Здесь горячо под тысячами струн,
Леса ремней, прихлопывая, плывут...
...Но дикий цех — железный гопорун —
Обнял веселым гомоном Наташу.
С утра гудок прорезывает даль,
Силком себе выматывая славу...
Точи, резы, полбесоная, плавай,
И торопи горячую спираль...
Георгий Рыбин

ПЫТКА ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ

Фельетон ВИКТОРА КИНА

Нам пишут, что на Лопатинском чугунолитейном заводе случился происшествие, глубоко вызволившее местную общественность. В клубе вечером, оседлившем сторонники ма�кова и труппы комсомола, соорудили были увлекательные политигры. В этих играх приятное сочеталось с полезным: молодежь, играя в политфайты, одновременно, сама того не замечая, приобретала познания в политэкономии, историческом материализме, географии и истории.

Общее веселье было испорчено недостойным поведением комсомольца Глазунова, который на просьбу руководителей — принять участие в игре — заявил грубо, что «лучше они все сподуют». Когда стали его расспрашивать о причинах такого странного и необдуманного отношения к клубным развлечениям, Глазунов обоблаз руководителей дураком. Он упорствовал в своих заблуждениях и его заподозрили в идеологической неустойчивости, политическом невежестве и недисциплинированности. На заседании бюро велели ему быть вынесен стенографий материал, а окестный работор, перво которого никогда не уступало обличать и казнить, предло наступок Глазунову на суа гласности через стенограф «Лопатинской литтехники». С тонкой и убийственной иронией статьи разоблачала Глазунова, как отравившегося, разложившегося, зараженного предрасудками ма�ковской стихии, и Глазунов должен был сам укажнуться, увидев беспристрастное отражение своего иррационального облика.

Но прежде, чем есать о Глазунове последнее слово, нам хочется рассказать об одном постороннем предмете — об электрической доске вопросов и ответов.

Мы видели ее в одном из клубов, — это была поистине ужасная, адская пылушка. История молчит, кому принадлежит изобретение этой машины, и комсомольцы клуба «Октябрьские веходы» не знали, кем היא долготы они прикрасили. Но у него, у изобретателя, несомненно, была крепкая голова.

Мы опитие эту машину об «экстиво, без всякого личного, презытого чувства». Это была широкая доска, аршина два шириной и полтора аршина в аласоту. Справа были наклеены вопросы:

- Нап?
- Диктатура пролетариата?
- Военный коммунизм?
- Фашизм?
- Финансизм?
- Финансизм?

и так далее. Под каждым вопросом была медная кнопка. Справа были наклеены ответы. И под каждым ответом — тоже кнопка. Обую извильности провода, а сверху над доской была вышита лампочка.

Тут же на стене висело об «ясение, как пользоваться машиной. «К доске», — гласило об «ясение, — выдвигается один из присутствующих. Он берет два конца провода, одним касается кнопки вопроса, а другим — кнопки ответа. Если ответ указан правильно, наверху загорается лампочка.

Неудачные ответы вызывают всеый смех. Ответившие правильно получают право пользоваться доской вие очереди.

Перед этой доской сидели дюжины пары комсомольцев и комсомолок. Вид у них был убийств, точно все они собрались на похороны близкого родственника.

И руководители прямо-таки убивали, чтобы вызвать хоть тень улыбки у своих зрителей.

— Ну, как же, ребята, а? — болдо говорил он. — Что ж вы? Нефедов, скажите нам, братец, что такое ноп?

Нефедов сторбился и подошел к доске. Вид у него был совершенно измученный. Он взял в руки два провода — одини надо было прикоснуться к кнопке с надписью «изн», а другой — к кнопке ответом. Он потрогал штурк десять кнопок, но лампочка не загоралась. Руководитель хохотал, раскисаясь и пастирол слезы. Это не был обычный человеческий смех. В нем звучали ноты тоски и отчаяния. По расписанию надо было играть, забываться, бешено еседиться — и он делал все, что мог. Это был честный, старательный человек и к своей работе относился добросовестно. Некоторые из сострадания тоже засмеялись, виновато отглядывая на остальных.

— Не знаю, — сказал Нефедов, опуская руки и глядя на пол. Тогда руководитель вызвал другого.

- Савельев! А ты?
- Я не поаду.
- Почему же ты не поидешь?
- Я уже играл сегодня.
- В политфайты играл. Устал, как собака.

Другие, небось, сплывают пальный шестер, лодырничая, а ты за них играй. Я тоже не категоричный.

— Верно, — поддерживают его остальные. — Это ни на что не похоже. Они играют, как зомбные дошды, а другие с девочками будутоси или в уборной отгадываются. Надо бы изобрести подобные явления.

Руководитель успокоил их и вызвал нового человека — товарища Углова.

— Нука, покажи нам, что такое изн?

Новый человек сразу же сделал ошибку. Он начал думать. Этого нельзя было делать ни в коем случае, — у машины была своя, неослабная логика.

Он прикоснулся одним проводом к кнопке «изн», а другим стал искать ответ. Первым

ему попалась кнопка «Политика Совластв», но лампочка не загоралась. Очевидно, изн — что-то другое. Потом он нанес надпись «Дорога к социализму» и даже закричал от возбуждения, — напрасно, потому что «Дорогой к социализму» оказалась на доске «Кооперация», а не «изн». Далее он наткнулся на «Залог победы рабочего класса» и тоже без всякого успеха. «Залогом победы» была «Смычка города с деревней». Он тронул кнопку «Возрождение хозяйства», — но лампочка не загоралась.

Все стояли мрачные, подавленные странным упорством доски. Если изн — не политика Совластв, и не дорога к социализму, и не залог победы рабочего класса, и не возрождение хозяйства, — то что это такое, и в конце концов?

Руководитель давно устал смеяться и только слабо извильгал при неудачных ответах. Никто не ждал, что из этого что — нибудь выйдет, — и когда вдруг осветлилось вспыхнула лампочка, это подвешивалось, как взрыв бомбы. Все вздрогнуло.

— Что такое изн? — спросил руководитель, ободрились. — Читай громче, чтобы все слышали. Тихе! Достанте тетради и запишите. Это очень важно. Слушайте внимательно! Петров, сбегай в соседнюю комнату и скажи, чтобы пионеры не шумели. Позовите тех, которые ушли курить. Ну! Что такое изн?

И среди настороженной, чуткой тишины Углов громко прочел данный доской ответ:

— Историческая необходимость.

Самое слабое место в манев воспитательной работы — это плохой разговор, речь которого утомительна, скучна, лишена всякого человеческого чувства. Сколько раз сравнивали его с горюильной машиной, и это сравнение было настолько справедливо, что кому-то пришла в голову мысль и в самом деле заменить его машиной — настольной машиной, с кнопками, с проводами, с лампочками.

Эту пылушку, пожалуй, можно было бы вытерпеть, как наказание или несчастье. Но когда в нее надо играть, когда псают уже на смех, на развлечение, это становится невыносимым. Давн ите, а ико не и, начне и смеяться не село, по дню ит гуду ит, это не великое и прекрасное умение совершенно необходимо для наших лет.

Я проглотил вам руку, дорогой товарищ Глазунов, как брату, и становлюсь радост. Пусть мы вместе придем на наши плечи и несчастье руководителя, и выговор бюро, и губительную иронию стеной газеты. У меня не хватало тогда мужества назвать дураком изобретателя доской, но теперь я снимаю спесь сдобности и присоединяю свой голос к вашему.

45.000 КИЛОМЕТРОВ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

(Мы в дебрях Мексики)

Наброски художественников А. КНЯЗЕВА и И. ФРЕЙДБЕРГА

В год г. 1-го июля выехали из Москвы два студента института физкультуры — т. Фрейдберг и Князев, с намерением обехать на велосипедах вокруг земного шара. 6-го марта этого года они вернулись в Москву, пройдя через Бразилию, Дальний Восток, Китай, Японию, Мексику, Кубу, Панаму, Колумбию, Германию и Польшу. Во все время своего путешествия среднее для жизни они находились в постоянном труде и, попав в Мексику в наиболее неблагоприятное положение, принужденные были поступить на работу в Русскую Научную Биологическую Экспедицию, направлявшуюся в Южную Америку и в глубь Мексики. В настоящее время экспедиция имеет следующие подразделения: биологическое в качестве технических работников при этой экспедиции. В следующих номерах «Смены» будут помещены другие очерки, рисующие отдаленные, наиболее яркие моменты этого, интересного путешествия.

Поселок Ля-Пальма

Из города Мексика экзекенция дально была по железной дороге доехать до небольшого городка Тачуальпа, стоящего почти на границе Мексики с Гватемалой, оттуда сделать экскурсию на одну из реинных плантаций близ берегов Тихого океана и, возвращаясь обратно, проехать горными районами штатов Чинапас и Табаско уже до Атлантического океана, чтобы сесть на пароход, идущий до порта Вера Круз.

К пальмам, кактусам и многим другим растениям сухого климата жарких мест мы уже успели порядочно привыкнуть, и поэтому зам зам город с его жителями, так и его окрестности почти никаких новых впечатлений нам не дали. Жарко, душно, и если бы не подготовка к предстоящей поездке, было бы наивное ощущение.

Единственное, что нас развлекало два вечера, проведенных в этом месте, это интересный, чисто местный музыкальный инструмент — маримба. По способу устройства он очень похож на наши детские металлофоны со коробом с разнозвучающими пластинками, когда по ним бьют молоточками.

Здесь же это — большой инструмент со множеством клавиш, приспособленный для игры на нем нескольких человек. Играют обыкновенно на двух маримбах разных тонов, так что получается впечатление игры хором, хотя это получается совершенно своеобразными звуками.

Лаверь экспедиции

Закоальпа — реинная плантация, куда мы приехали из Тачуальпа — стояла в нескольких верстах от речки, же нашей дороги.

Полтора десятка небольших, построенных из жердей, сухих веток и листьев, домов, в которых жили рабочие, были со всех сторон окружены высокими зарослями тропиков.

Здесь мы наблюдали, как при помощи надрезов коры деревьев добывали густой, молочного цвета сок, дающий после некоторой обработки каучук, годный уже для выделки галоид, шин и всяких других резиновых изделий.

Еще до рассвета выходят рабочие в этот лес, возмущенные специальными ножами для Малые индейцы надрезают коры и чашками,

в которые по сделанным желобкам стекает эта жидкость.

Работа сдельная, но с такой организацией оплаты, что даже при напряженной работе заработать больше, чем на два рубля в день, почти невозможно. Здесь же большинство рабочих индейцы, которые вообще довольно слабо в работе, и поэтому обыкновенный дневной заработок у них — рубль двадцать, тридцать копеек.

После двухдневного знакомства с местными и работами, экзекенция для своих дальнейших наблюдений должна покинуть культурные места и уже лесными способами передвижения добраться до берегов Тихого океана.

Часть пути можно было проехать на волках. Нагрузив две двухколесные навьюло большие багажом, мы выехали из пределов плантации по направлению к реке Нансенале. Дорога, по уверениям всех местных жителей, была хорошая, на самом же деле, это была очень неширокая тропка среди густого тропического леса, сделанная, очевидно, очень давно, потому что наши волки топили через кусты 10—15 сажен приходилось переставать телесережки, громадных свайчатых паперов дороги дорисовывали.

Во время этой дороги мы поняли, почему здесь употребляли очень большие, большие человеческого роста в диаметре, колеса. С колесами хотя бы немного меньшего размера было бы совершенно невозможно преодолевать эти перечерченные препятствия.

В начале дороги мы успели поперек багажа, но очень скоро почувствуем были слезы и итти пешком, так как потрясывало очень основательно, и приходилось все внимание употреблять на уверивание от возможных ядов и веток, постоянно попадавшихся за голову.

Наши ботаники, не уставая, брали с одного растения к другому, определяя на галую, составляли целы кучи сильно кусящихся муравьев.

О том, как тропический лес может увлекать и увлекать, подвергать даже опытных людей большой опасности, я узнал в нашей поездке по Колумбии.

Вот случай. Как-то, оставив позади нашу экзекенцию, я и доктор Букасов хорошим галом посетовали вдоль берега реки Кауки с намерением успеть до ночи посетить один индейский поселок, известный своим секретным производством обогото платанового вещества (коко), употреблением которого в очень небольших порциях, человек может, сохраняя свою работоспособность в течение 4—5 дней без всякой другой пищи.

Надев через два такой еды мы увидели, что времени у нас остается совершенно достаточно, и так как по дороге нам попадало много каких-то неизвестных фруктов и растений, решили задержаться немного и посмотреть их поближе. Придя на поселок к какому-то громадному ялану, свешившимся с высоких деревьев, и, расчленив себе дорогу мочетам, пошли к стовиному недалеко в стороне дереву, сплошь облепленную небольшими золотистыми плодами. Сев по несколько, оказавшимся нам уже знакомыми плодами и рассмотрев другие деревья и растения, мы быстро отошли в сторону от тропки, шагов на 200.

ВВЕРХУ: «Игуана» с «доброй машиной» ВНИЗУ: Гамный creekbird

Мексиканка с детьми

их семейств и виды. Мы же, находясь на полукупленные в Закуальпе высокие остроконечные соломенные шляпы, удерживали в рубке мачетой и помогали в собирании интересных образцов для гербария.

Вначале мы пробовали пробираться в дубже в лес, но, после нескольких предостережений наших проводников о большом количестве змей и изломанных наскомах, решили ограничиться встречавшимся по краям дороги растениями, тем более, что ка жалды шаг в сторону довался с большими трудностями, так как приходилось мачетой разрубать перелетавшие листья и ветки, при чем всегда

Индийские жилища на берегу одного из притоков Тринидады

Базар в Тэопиланде

на галую, составляли целы кучи сильно кусящихся муравьев.

О том, как тропический лес может увлекать и увлекать, подвергать даже опытных людей большой опасности, я узнал в нашей поездке по Колумбии.

Вот случай. Как-то, оставив позади нашу экзекенцию, я и доктор Букасов хорошим галом посетовали вдоль берега реки Кауки с намерением успеть до ночи посетить один индейский поселок, известный своим секретным производством обогото платанового вещества (коко), употреблением которого в очень небольших порциях, человек может, сохраняя свою работоспособность в течение 4—5 дней без всякой другой пищи.

Надев через два такой еды мы увидели, что времени у нас остается совершенно достаточно, и так как по дороге нам попадало много каких-то неизвестных фруктов и растений, решили задержаться немного и посмотреть их поближе. Придя на поселок к какому-то громадному ялану, свешившимся с высоких деревьев, и, расчленив себе дорогу мочетам, пошли к стовиному недалеко в стороне дереву, сплошь облепленную небольшими золотистыми плодами. Сев по несколько, оказавшимся нам уже знакомыми плодами и рассмотрев другие деревья и растения, мы быстро отошли в сторону от тропки, шагов на 200.

Кавадло, что все было тихо и спокойно, и очень может быть, что мы бы смогли так же, не торопясь, вернуться к коням и искать дальше, но в это время М. заметил довольно высоко висящий на дереве большой лод и бросил в него палкой.

Это было как бы сигналом. Со всех сторон на нас градом посыпались несоманные плоды-фрукты, суция деревьев и пр. Мы уже были жителями стран неординарностей и опасностей. У каждого из нас на поясе, служащем в то же время и лавриной и хранилищем денег, висело по громадному пистолету. Закрывая левыми руками головы от всякой дряни, большими ступаящей ногой, мы выскривали пистолы и выпалили по несколько раз вверх. Почти моментально прекратился обстрел, и выскривившись, мы смогли увидеть удививших врагов. Это было себе слабо небольшая обезьяны. В лесу слыно стало спокойно, если не считать довольно громкой ругани моего спутника, у которого оказались выбитыми два зуба.

Потряса удивленные места и сбывшаяся разбитость и прилипли к одежде фрукты, мы вернулись к лошадям и поехали дальше.

Довольно скоро добрались и до поселка, но, к сожалению, — как это, впрочем, бывает почти всегда при первых астронавтах и экспедициях, нас приняли очень недоверливо и, несмотря на все наши старания и различные подходы — узнать что-нибудь о питательном растении нам не удалось...

Индийка с ребенком за спиной

Чем-ч и тремя днями экспедиция добралась до стоящих недалеко от берега реки трех хижин с крышами из пальмовых листьев и с жонками в них рыбаками-индейцами. Дальше нужно было искать уже на лодках, и так как времени для приготовления к этому пути нужно было порядочно, пришлось остановиться здесь на ночлег.

Выбрали место, ступали с телег багаж, разбили палатки и принялись за притягивание уюта. Надо сознаться, что, так как это был первый опыт лагерной установки в тропиках, то мы смогли увидеть готовым следствием из всех палаток протrustовавшихся при этой операции индейцев только через два часа.

Настраение у нас было бы совсем трогательное, если бы не было так душно и так много комаров, для которых нам приезд тоже, очевидно, был большой радостью.

Вечером мы договорились с рыбаками о доставке нас на лодках на один из прибрежных островов и улеглись спать.

Большие, хорошие люди, о которых шел разговор вечером, утром оказались простыми долбанами, т. е. совершенно некультурными и недальновидными партиями с одним весом, служащими одновременно и для управления. Подвергаясь каждую минуту опасности схватиться вместе с казенными, будь ящиком в воду,

если прямо на дно лодки и сплавлялись в путь.

В начале дороги река была очень узкой и по обеим берегам настала зарослей разными видами растений, что даже узкие проходы лишь с большим трудом могли пробираться вперед.

На ветках деревьев, росших на берегах, постоянно то появлялись, то исчезали большие, часто доходящие до 1,2 метров гуганы. Большие и маленькие птицы всевозможных окрасок спокойно посматривали на проходящих мимо лодки. Здесь на них никто из людей не охотился, поэтому они нас совершенно не боялись.

Через несколько часов езда река стала шире, чище, и сильно изменился характер берегов.

Теперь мы уже ехали между двух стен мангровых зарослей.

Хижини среди вор

Совершенно необыкновенный вид у мангровых деревьев. Они пускают корень чуть ли не из середины дерева, и часть этих корней уходит в воду. Благодаря густоте такого леса, берега, земли совершенно не видно, и поучается впечатление, что дерево стоит в воде на каких-то громадных шпунталах.

Здесь же появились новые виды птиц, оказавшись по завыванию наших трюпов, сфобились. В. Р. Живого достал свое охотничье ружье и начал стрелять. Это было жестокое избиение этих, никак не ожидавшихся от нас камабуку-индейцев, птиц.

Становилось довольно жарко. Опустить руки в воду и черпать ее приятно: в реке очень много аллигаторов — могут схватить.

Интересный эпизод с охотой на каюман (каюман, так же, как и аллигатор, — из семейства крокодиловых) мы пережили в Колумбии. Расскажу, кстати, как это было.

— Молчать и не мешать, — произнес не-люду среднего роста индеец, — нес успех охоты только в этом.

Индийские паровые тачки

На нем была панамская шляпа, равный видаж и белая панталона. На ногах — тяжелые кожаные сандалии, а пояс украшал револьвер с патронами. Шляпа была изорвана палатком теплого цвета с желтыми крапинками. В правой руке он нес все для охоты на крокодилов, которые в изобилии водились на реке Магдалене, главной артерии страны Колумбии. Побережье этой реки на громадном тысячелетнем растении занимали густые, непроходимые тропические леса. Селения на реке попадались очень редко и большей частью это были сложенные из хвороста и покрытые пальмовыми листьями временные лагунги охотников.

Десять минут тому назад я и Фрайберг сели на лодку, и индеец сопровождал его, на что он

Индийки-несильщики

согласился не сразу. Даже возле берега продрать сплоск чашу было трудно. Наш спутник привычными движениями прощипал себе лодку, одной рукой отклоняя ветви и давая; другая рука его держала крепкую, заостренную с двух концов палку, сделанную из дерева очень прочной палмы. Середина этой палки была обмотана стальным тросом длиной в десять метров.

Черные, как уголь, глаза Педро — так звали охотника, — скомандовали наступать в песчаную отмель на противоположной стороне реки, где виднелись какие-то обгоревшие бревна. Они были разбросаны в беспорядке. Их было пять штук, как считали мы, слезы за плавидом индейца.

День выдался особенно жаркий. Мы ехали дилегиты от неприятного ощущения сухости в горле и сырости на теле. Все белье наше было мокро, мы пришли к телу, с дагорашего лица и рук струился пот так, что мы едва успевали смывать его широким платком. На колудынные жара отпавались меньше, но и у него тоже стала мокрой правая сторона вышка, где был порядочный груз принадлежностей для охоты.

Тяги мексиканских рыбацких

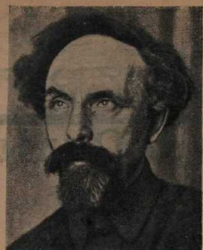
отнес к маленькому выступу у берега. Не мешая суворобать, мы выбрали местечко между четвертым пальником.

Педро укрепил в песке поперечную палку, наклонил ее к реке, и надел на верх ее кусок мяса. Затем крепко встал в правую руку концы троса и сорвался — за дерзкой выделом и легким кинком подтвердил, что все готово. Через минуту мы с удивлением заметили, что беззащитные обгоревшие бревна, разбросанные на противоположном берегу, стали жиними. Они медленно приподнялись на две четверти от земли и неуклюже повисли в воду. Это были каюманы. Длина их — 3-4 метра, но «бревна» спускались в воду, оставая на песке полосу от волочившихся хвостов. Отмель опугнула. Зато и некотором отдалении от нее на поверхности реки показались две двигающиеся корбочки черного цвета. Одна из них скоро исчезла.

(Продолжение на стр. 10)

Стены кактусов. С волосолобом — т. Живого

РАССКАЗ—ИГРУШКА!

МИХАИЛ ПРИШВИН

«М. Пришвин — один из крупнейших современных писателей. Его творчество относится к лучшим творениям, созданным выдающимися и глубокими талантами нашей литературы за последние 30 лет, и потому ему принадлежит место в истории России 1900—1910 гг. Такой его творческий расцвет и плодотворность и основной шаг к его славе в наши дни».

«М. М. Пришвин родился в 1873 г. в дворянском (Словян-Паличине) имении в Ярославской губернии. В 1891 г. и своей семье. Иные войска были обременены для вытеснения — революция. И возникла в кругу армянского общества — элиты — Великая Дианагоса Уткая. Тогда приехал в Россию — в Санкт-Петербург, где он учился в гимназии, а затем в университете. Он был одним из самых выдающихся представителей русского искусства. В 1903 году в Бресте на железнодорожном депо, направленном на отъезд и в своем городе». После того, как он уехал, но в 1905 году он был назван «Красной» за свой стиль. У него такая же техника. Прочитав статью, вышел из России. Вскоре, в 1910 г., вернулся в Россию. Имя его прозвучало в честь писателя «Красная звезда». «Красная звезда» и так много — это «Красная звезда» и так много. Имя его прозвучало в честь писателя «Красная звезда». Имя его прозвучало в честь писателя «Красная звезда». Имя его прозвучало в честь писателя «Красная звезда». Имя его прозвучало в честь писателя «Красная звезда». Имя его прозвучало в честь писателя «Красная звезда».

ОТ РЕДАКЦИИ. ПЕЧАТАЯ РАССКАЗ М. ПРИШВИНА В КОТОРОМ ПРИШВИН ВСКРЫВАЕТ ПРОЦЕСС СВОЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ, РЕДАКЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ ЭТО ОТКРЫТИЕ СЕРЬЕЗНО ТАКЖЕ ДЛЯ ИНТЕРЕСНЫХ АВТОРСКИХ ПРИЗНАНИЙ О «ЛАЙНЕ» ТВОРЧЕСТВА.

Позвольте в этот раз, молодые товарищи, рассказать вам, как я написал свою последнюю повесть, и таким образом немножко рассеять суеверный туман, окутывающий литературное творчество. Я этим не хочу, конечно, сказать, что знаю метод писательства и могу всякого научить писать рассказы, подобно тому, как всякого можно научить писать газетные статьи или вязать чулки. Нет, бездарного нельзя сделать художником слова, но для начинающих талантливых молодых людей я считаю своим долгом раскрыть закусничную сторону своего писательства: для некоторых оно может быть и поучительна.

Я выбираю для анализа свой последний рассказ, потому что черновики его еще лежат на моем столе и я могу с точностью передать здесь все обстоятельства возникновения этого рассказа.

Было это в декабре прошлого года. Мы отправились с моим младшим сыном в село. Последнее время (18 верст от г. Сергиева) на ружьях и замочками там у одного деревенского охотника, Илья Старова. Известно, какая у наших крестьян ночевка, какое жилье. Забудьте себе, это еще долго будет в нашем народе: придет грамота, придет достаток, а сносное жилье придет только под самый конец. Часто наблюдаясь, что завелся у мужика деньги, вот бы поскорее выдать дочь, а остальные бы употребил на устройство горницы. Нет, он все прогуляет на свадьбе, пустит пыль в глаза: потребность в лучшем жилище у некультурного человека стоит далеко в хвосте всех его желаний. Вот и залетел сын у Старова на полу, на соломе. Последние часы гонел железка, вокруг услаивались все другие члены семьи — взрослые и мелкота.

— А где же ваша собака? — спросил Старов.

Я сказал, что на дворе оставил.

— Ну, это дело, собака целый день гоняла, а вы ее на дворе оставляете.

Ребята закричали:

— Давай, давай сюда!

Я обяснил хозяйню, что Соловей всегда живет у нас на дворе и за чистоту его в жилище не могу поручиться.

— Я поручусь, — ответил Илья.

И вышел за Соловьем. Мы, конечно, легли, не раздеваясь, и потому, когда Илья замешкался, мне ничего не стоило вскочить и выйти: я подалам — не пропал ли уж Соловей? Но Соловей, оказалось, не пропал, а этого Илья додил его на вер-

евке по улице и у каждого дерева ему повиноваться, как лошадям, и угаваривать. А Соловей в ответ у каждого дерева поднимал ногу и оставлял свое обыкновенное собачье замечку. Так было долго; наконец, Соловей перестал делать замечки. Илья сказал:

— Теперь пойдемте, теперь я с вас поручусь.

И, действительно, Соловей был прекрасен. Вечером он лежал на соломе у наших ног, утром мы увидели его в обнимку с детьми. А когда пришлось нам уходить, то дети прощались с Соловьем, как с дорогим им существом. Так и осталась ночевка в этой дружной семье каким-то очень хорошим воспоминанием, и я должен был рассказать о ней так подробно потому, что именно эта ночевка впоследствии настроила меня на родственное внимание к рассказам Старова.

Проходит месяц, другой. Мне повезло в мои литературных делах, до того ведро, что я нашел время заняться литературой без оглядки на гонорар. Такой совершенно бескорыстной литературой я считаю писание детских рассказов. Известно, как пишут эти детские книжки: пишут разные добрые люди, родители, бедняки, всевозможные детские с п е и а л д и с т ы, не чувствующие себя в силе написать для взрослых. С моей же точки зрения, детский рассказ, особенно для совсем маленьких, — труднейшая литературная форма: роман, пьесу, по-моему, гораздо легче написать, чем детский рассказ. К трудностям по мастерству присоединяется затенение понимания рассказов детей у взрослых, у издателей, редакторов. Все они думают, что детский рассказ — пустяк. Детский рассказ обыкновенно коротенький, а оплата его поистине являющаяся постыдная. Чем больше растягивает автор рассказ, тем больше он получает, чем короче пишет, тем меньше. А вспомните, где вы слышали самое сильное слово? Конечно, в безмолвном труде, где-нибудь на покосе или на постройке моста, когда по одному слову жока все пришло в движение, все повертывается. В работе ритмически определяешь слова, в детской литературе — жизненные потребности нищего автора.

Почти двадцать пять лет тому назад я начал свою литературную деятельность с писания детского рассказа. Я принес свой первый рассказ в журнал «Родник» и получил большое одобрение редактора: он просил меня дать другой. Но как я ни бился, другой рассказ не выходил. Это спасло меня, — я стал добывать средства

существования писанием в газете и бросил детский рассказ до счастливого возможности заняться им без оглядки на время и гонорар. Мне пришлось ждать этого почти двадцать пять лет. Только в этом факте я могу себе сочинения, изда-тельно оказалось доставить мне ежемесячно средства существования, и я вернулся к осуществлению своего заветного желания — писать детские рассказы.

У меня несомненно в голове что-то вроде плана. Вы, конечно, знаете замечательные детские игрушки безмысленных художников из народа. Возьмите хотя бы игрушку «мужик и медведь», стучащих по очереди молотком. Ведь чем занятая, чем гениальна эта игрушка? Бесконечной свой простотой, захватывающей не только физического ребенка, но и того универсального духовного ребенка, которого мы сохраняем в себе все ма — взрослые. Вглядитесь в процесс труда большого мастера не только в искусствах, но везде, где человек беззаветно любит свой труд: везде вы найдете в составе труда игру, от нее все начинается и ритмически закрепляется в мастерстве. А если у каждого живого человека сохраняется его дитя, то гениальная игрушка непременно должна быть и взрослого तो немного его поиграть. Попробуйте-ка, положите возле себя к у з и ц о в, непременно потянетесь к ним и станете хватать. Вот точно так же и детский рассказ должен занимать не только ребенка, но и взрослого, не утрачивая свою жизненную силу. Простой рассказ-игрушка должен, по-моему, одинаково действовать и на ребенка, и на человека взрослого, с тончайшим художественным вкусом.

Итак, я намекаю себе веки для работы над детским рассказом-игрушкой: 1) натуральный коллективизм его происхождения; 2) тончайшую работу его последнего мастера.

Но, в сущности, по этому же самому плану работают все, кто, думая приспособиться к народному творчеству, берет в основу своей работы народную сказку. Меня, однако, народная сказка не манила для работы над ней, потому что в народе она не улучшается, а, наоборот, искажается в сравнении со своим начальным образом, и работать над сказкой выгоднее с книгами, чем с живыми людьми. Реальный рассказ-игрушка создается в наших глазах послую — на улицах, в полях, в мастерских. Послушайте же такую живую жизнь: неужели художники существуют в трудовом народе и выносятся

КОЛДА СТАЛКИ

ОТДЫХ

ДЕВУШКАМ БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН РАНЬШЕ ТОЛЬКО ХОР ДА ПРАМКРУЖОК. А теперь девушек можно видеть и в ансамбле духового оркестра (5), и солистками (6), даже в своеобразном женском шумовом оркестре, где инструментом является простая вребенка.

Следующий номер нашего журнала даст много интересного материала **О ТУРИЗМЕ И ЭКСКУРСИЯХ.**

В номере: очерки, описания, практические советы и указания по всем видам экскурсий — речным, горным и т. д.

НА ОБЛОЖКЕ ПЯТЬ ПОДРОБНЫХ МАРШРУТОВ ПО КАВКАЗУ!

В виду большого спроса на журнал, необходимо заблаговременно произвести подписку

3. ДНЕМ И СТОЛОВАКА ИСПОЛЬЗОВАНА для чтения газет и для бесед

1 и 2. ЕЩЕ НЕДАВНО И. ГОСТЕВ был типичным хулиганом.

В одном из ближайших номеров журнала будет помещен интересный бытовой фельетон «А ЛЫЕ ГУБЫ»

СМОЛКАЮТ

Умелый отдых — большое искусство. Будем учиться отдыхать

МОЛОДЕЖИ

11. НЕПРИВЫЧНЫЕ РУКИ ПРИВЫКАЮТ к непривычным вещам

3

СЛЕДИТЕ за подробностями стрелкового конкурса молодежи в «Комсомольской Правде» и в следующих номерах нашего журнала

ИНТЕРЕСНОЕ И ЗАНЯТОЕ ДЕЛО МАШИНИСТА. В клубе им. Кухмистерова обучаются И ТЕОРИИ (3) И ПРАКТИКЕ НА ЖИВОМ ПАРОВОЗЕ (4)

12

12 и 13. МНОГО ЛОВКОСТИ И УМЕНИЯ проявляют комсомолцы КРУЖКА ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ фабрики «БУРЕВЕСТНИК», под руководством подшифмана кавказского

10. ТРЕХУГОЛЬНЫЕ ПОСАТЫЕ ФОНАРИ для клуба — увлекательная работа для ребят

9. В КРУЖКЕ ИЗО женщины работают с большой охотой

2

А ТЕПЕРЬ ОН — ДОБРОВОЛЕЦ клубной им. Октябрьской революции

БЕСПРИЗОРЬЯ

Фото-эпоз Н. М. Скрабина

ВОДОЮ, ГОРАМИ И СУШЕЙ

ИЗ КРАСНОКОКШАЙСКА — В КАЗАНЬ. Камкова, Валеев и Бузовская — члены Казанского о-ва «Динамо», прошедшие около 130 км на лыжах.

НЕПРИВЕТЛИВО ВСТРЕЧАЮТ ТУРИСТА ГОРНЫЕ ХРЕБТЫ. На каждом шагу опасность ожидает взбирающегося спортсмена. Но все же ткнув вверх пал исследователя, жажда нового, неизведанного влечет с вершин. Один шаг вправо, другой — влево, и вот уже в заснеженную тропу — не опомнившись и тела позабывшего, В ОПАСНЫХ МЕСТАХ ВЕРЕВКА СОЕДИНЯЕТ ВСЕХ И УДЕРЖИВАЕТ ПОСКОЛЬЗНУВШЕГО ТОВАРИЩА (направо).

Американская разборная лодка на воде

Лодка в собранном виде. Все части весят 25 фунтов.

Десятки тысяч молодежи и взрослых организованы в группы туристов и готовятся проводить отпуска и дни отдыха в путешествиях, экскурсиях.

Рабочие Донбасса организуют летом лагеря в Крыму.

«Фабзайчики» Москвы разрабатывают десятки маршрутов лодочных путешествий по Москва-реке, Оке, Клязьме, Волаге.

Псковские комсомольцы зовут молодых туристов других городов посмотреть достопримечательности своего края и сами организуют экскурсии на Волховстрой и в Москву.

В путь — по рекам, через леса, горы, вдыхая свежий воздух, укрепляя мышцы, — вот здоровый отдых молодежи.

Отпуск на велосиподах. ПЕРВЫЕ ТУРИСТЫ — РАБОЧИЕ ПОДПОЛЬСКОГО ЗАВОДА

В нашем следующем номере читатели найдут много материала О ТУРИЗМЕ И ЭКСКУРСИЯХ

Туристы в пути

Вечерний привал. Установки недалеко

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Повесть Н. ОГНЕВА, рис. Ю. ГАНФ

(Продолжение) ¹

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Французский профессор-палеонтолог Дорже едет через Москву в Монголию с целью научных исследований в Центральной Азии. В Москве профессор знакомится с известным палеонтологом Умаром, который предлагает ему помощь в организации экспедиции. В Монголии экспедиция, в составе профессора, Френкеля и Синстунюва, наталкивается на мажоритарные приключения. Но профессору Дорже у встречного брадуче лама удается узнать, что где-то на северо-востоке есть «оранж». Приходилось, что речь идет о законсервированном динозавре, профессор захватывает ламу с собой.

II. Синстунюв и движение

Работа, собственно говоря, была, но Синстунюв еще с утра ушел из торгпредства, где расплывалась экспедиция, чтобы побродить по «Красному Вогатырю». Нельзя сказать, чтобы Васяса очень интересовал бытом и нравами местных жителей. — в этом случае он обратил бы, вероятно, к монгольскому союзу революционной молодежи, нельзя сказать также, что Васяса поучувствовал потребность в том полударемном уединенном состоянии, в том своего рода самонаряке, когда все приходящее мимо зрелище вместе с тем проходит и мимо сознания. Но дворе торгпредства, где гулялись экспедиция в Гоби, все время толкались люди, и где приходилось подтягиваться и что-то делать даже и не по нападку, — такое состояние для Васясы было невозможно.

Навстречу вместе с монголами в остроколючных шапках, жингольскими в рогатых уборах, китайцами в удобных спичках куртках и пинжаках, шин верблюда, свиньи, ослы, собаки. Улицы не было. Там и сям были разбросаны «хоушун» — юрты за частоколами. Только на площади было несколько зданий европейского типа. Со всем тем и на площади и в извилистых переулках около хоушун было большое движение. То и дело навстречу попадались небольшие отряды «ширков» — монгольских солдат, старательно пестичающих шаг. Царьки были одеты, не смотря на жару, в мундиры русского образца.

Кое-где на частоколах хоушун бегались красные флаги — в этом было дыхание революции. Но... Синстунюв оставил ФР, лам, лопату, почетный транспорт, и согласился в душе с секретарем полпредства, который на вопрос Френкеля ответил:

— Монголия пока еще не красная. Монголия — красноватая.

В том же состоянии самонаряка Синстунюв обошел весь Улан-Батор-Хото — и ему казалось, что все же, по сравнению с Москвой, он пришел в некоторое движение. Восемь суток в скором поезде, потом автомобиль до Кяхты, затем грузовик Центросоюза. Кусок высокоорганизованной материи в лице Синстунюва, отквашившийся была работать в Москве, вновь, как-то извне приобрел необходимый толчок и, будучи выведен из одного рода инертного состояния, перешел в другой род инерции. Синстунюв думал, Синстунюв начинала даже действовать, иногда по собственной инициативе, но Синстунюв еще и с ж и л.

Активное участие в гражданской войне, в непрерывных боях и разведках, ратный труд и боевое удачество, наступления, атаки, сардацный вой и пулевой свист, ночевка на голой земле, многочасовые бесонные переходы, — как-то незаметно вернули в уморный и длительный нажим лязг лиски-настойчивой удачи, пролетарства, организаторства, строительства, непрерывного, натертого призыва к действию других.

И в результате Синстунюв о с т а н о в и л с я. Неожиданно, этого и не могло не случиться, это должно было случиться, потому что в возрасте Синстунюва организму в обычных условиях приходится расти наиболее интенсивно и собирать силы, чтобы перескочить их потом. Может быть, следовало бы просто отправиться на месяц в санаторий, чтобы восстановить жизнедеятельность истощенного организма; может быть, следовало бы уехать в деревню, но... деревни никакой не было, а с санаторием обстановка дело сложней, потому что из распространяемого комсомольского (и лично поинтого) самодвижения Синстунюв не хотел быть и с ж и л обремененнейшей для государства, чем другие. То состояние, которое переживал Синстунюв теперь, когда по следовало бы его приподнять в движении неистовый Френкель, а потому техническая работа

...В этот момент старик у стены разразился целым потоком выветренных слов...

у профессора, еще не забыл Синстунюв за характерного для него за последние время ругательного и совершенно равнодушного качания из стороны в сторону, словно и не комсомолец он, и не активист, может и не пареня даже, а некое бредиво на постаменте, в роде деревенских качелей.

12. Товарищ бонди

Шагнул по улицам, Синстунюв добрал до окраины города, над которой на горе господствовало странное сооружение — не то дворец, не то храм. Вокруг этого храма блистали на солнце золоченые крыши храмиков-помещенья.

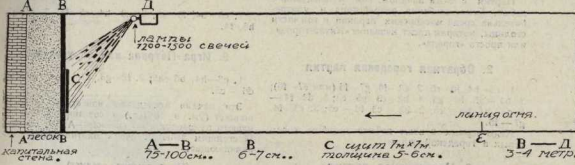
¹ См. №№ 4 и 5.

КАК УСТРОИТЬ ПРОСТОЙ И ДЕШЕВЫЙ ТИР

В. АЛКАЛАЕВ

Наличие удобного места для стрельбы является одним из необходимых условий для развития стрелкового спорта. Постройка специального тира стоит довольно дорого и не под силу стрелковым секциям и кружкам, у которых средств обычно не много. Между тем и в городе, и в деревне можно с небольшими затратами оборудовать небольшие удобные тира, которые дадут полную возможность провести первоначальное обучение из малокалорийной винтовки и револьвера и подготовить стрельду для серьезной боевой стрельды в поле.

Как же устроить тир простой и удобный? В го-

роде, особенно в большом, промышленном, этот вопрос разрешается довольно просто. В таком городе почти всегда можно найти достаточной длины и ширины подвал. Длина подвала желательна не менее 25 метров (42 шага), ширина не менее 4,5-5 метров. В таком тире смогут одновременно стрелять 4-5 человек. Меньше, чем на три человека, тир строить не стоит.

Чтобы приспособить подвал под тир, нужно, обычно, сделать три вещи: защитить стенку от разрушительного действия пули, провести освещение и устроить вентиляцию. Защита стены от попадания в них пули, даже при случайных и неверно направленных выстрелах. Поэтому лампы должны быть прикрыты от линии огня или выступами потолка (в некоторых подвалах такие выступы имеются), или прибитым к потолку толстыми бревнами, или брусом.

Помимо света на линии мишеней, необходим и свет на линии огня. Тут

Через три месяца после выезда из Москвы Васяка Сингунов зашел далеко вперед ровную затылку, уходящую вдаль линию.—Опять мрак,—бормо подумал Васяка.

—Китайская стена!—догадался Френкель.—Эх! Да само! Тотая дохлая, и не зашевели!

—Китай!—оказился и Васяка.—Там, за этой стеной идет сейчас великая и ожесточенная борьба. Впервые за всю свою историю прославленная четырехсотмиллионная страна и делает отчаянные попытки освободиться от некоего рабства... Эх, ударились бы в трагическую войну, что ли!

И Васяке вспомнились пробитая пулей буденовка, висевшая на гвозде в его скромной комнатке на Благую.

Или—словно в ответ на Васякины мысли—мимо него слабо свистнула и зарылась в песок пуля на излете.

—Френкель!—удивленно сказал Васяка.—Что за чорт, пуля?

—И вторая за ней!—подхватила Френкель.—Кто это нас за дураки принял?

Приятно осматрелись кругом. Волнистая линия степи, редкая желтая трава, да три хол-

братскую стену и промажуют. Между капитальной стеной и деревянной засыпан нескончим мелким гравием. Расстояние (чертеж № 1) между капитальной стеной и деревянной должно быть 75-100 см, толщина деревянной стены 6-7, толщина слоя засыпки 75-100 см. На эту стену должны навешиваться сетчатые деревянные щиты, размером приблизительно 1 м 31 см и толщиной в 5-6 см. Такая стенка полностью предохранит от малокалорийных и револьверных пуль.

Защитить стену можно и прочее: бить засыпкой, такса дощками (толщина досок должна быть не менее 10-12 см). Но полного предохра-

при тире шириною 4-5 метров, вполне достаточно двух ламп по 1000 свечей, которые должны быть расположены сзади стрелков.

Устройство вентиляции

очень важно, так как продукты горения пороха вредно влияют на здоровье. Вентилятор необходимо ставить как раз перед линией огня по направлению к линии мишеней, чтобы все пороховые газы сразу же вытолкнул вентилятором наружу.

Полнее это устроить хотя бы простейшим образом, чтобы в подвале было не слишком холодно зимой.

Такое приспособление подвала под тир стоит от 120 до 200 рублей.

Устройство тира в деревне

Построить тир в деревне значительно труднее, потому что в деревне нет подвала и нет обычно электрической энергии, которой можно было бы воспользоваться для освещения тира. В деревне придется использовать для устройства тира осветительные лампы, питаемые от сети. Директриса, т.е. направление стрельбы должно быть расчислено по 150-200 свечей каждая. Лампы должны быть размещены над ногом тира, должны быть снабжены для усиления света рефлекторами, хотя бы из жести (надо при этом следить, чтобы рефлекторы не дивали бы бликов и пятен) и должны быть защищены от попадания в них пули, даже при случайных и неверно направленных выстрелах. Поэтому лампы должны быть прикрыты от линии огня или выступами потолка (в некоторых подвалах такие выступы имеются), или прибитым к потолку толстыми бревнами, или брусом.

Помимо света на линии мишеней, необходим и свет на линии огня. Тут

Таким образом, чтобы обеспечить полную безопасность от всех случайных и неверно направленных выстрелов.

Устройство тира в деревне

Построить тир в деревне значительно труднее, потому что в деревне нет подвала и нет обычно электрической энергии, которой можно было бы воспользоваться для освещения тира. В деревне придется использовать для устройства тира осветительные лампы, питаемые от сети. Директриса, т.е. направление стрельбы должно быть расчислено

Линие всего, если линия мишеней будет упираться в высокую стенку оврага (вакан, высокой обрывистый берег реки. Высота этого закрыва, при дистанции стрельбы около 25-30 метров должна быть не ниже 12-15 метров, при более значительной дистанции, которая открывается должна соответственно увеличиваться.

Войницы

Если такого оврага нет, то необходимо принять известные меры предосторожности. Самым действительным средством будет установка двух стенок с амбраурами, которые выхватят все неправильно выпущенные пули. Строится эти бойницы следующим образом. По линии огня строятся засеченная стенка, в которой устраиваются бойницы, (по числу стрелков) для стрельбы из положения стоя, сидя или с колена и лежа (чертеж № 2 и 3). На некотором расстоянии от этой первой стены устраивается вторая стенка с амбраурами. Во второй стене прорезаются амбрауры, которые позволяют правильно выпущенным пулям долететь до мишеней. Все же неправильно выпущенные пули должны

быть этой стеной перехвачены (чертеж № 3 и 4).

Все размеры и толщина стенок даны здесь для м/к винтовок.

Линия бы до Стены добраться, там они нас дождут не возмрут!—обернувшись, крикнул Френкель Васяка.

Но Васяка не торопился. Он нес притянутое к лошадиной шее, скак в руках рубец браунита и, словно играя опасностью, выскочил мишени. Мишень не замедлила показаться. Из-за линии холмов вынырнул сначала один человек, потом другой. Оба потянулись на месте и с немигующим выжили дивулки водноку беглеца. И тогда же, словно из-под земли, выросли несколько пенных фигур с винтовками и, стреляя на ходу, стали приближаться к Васяке. Васяка молничей с выбором, пришедеж, нажал гашетку, и потом, не глядя, ударил ногами бока лошади и понесся за товарищами.

Сзади слышалась улюлюканье и слабо потюкивая выстрелы. Впереди медленно, но верно, нарастали занесенные в песок зыбучие развалины когда-то грозной Китайской Стены.

Да, бросьте, они не возмрут, спасаться придется.—кричала Френкель.—Скорей, они и так нас берут на мушкет.

И, скватив под удуши лошадку профессора, Френкель поспежал вперед, к Великой Китайской

(Продолжение следует)

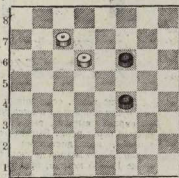
Под редакцией В. В. Медведя.

Этюд № 1

А. К. Мишин (Сергиев)

Печатается впервые

Черные

Белые

Белые: пр. е7, д6.

Черные: пр. f4, f6.

Белые начинают и выигрывают.

Фигулки товарищей, присланных правительные речение, будут напечатаны.

Основные понятия о шашечной партии

В шашечной партии различают три части: А) начало или дебют, В) середину и С) конец или эндшпиль.

А) Дебют обнимает от двух до 5—6 начальных ходов белых и черных. Размыргая его, стороны стремятся возможно быстрее развить свои силы, захватить наиболее выгодные пункты

для нападения и защиты и наилучшим образом подготовиться к предстоящему решительному бою.

Выдающиеся русские любители немало поработали над правильной постановкой игры в дебют. Благодаря их усилиям, мы имеем теперь целый ряд начал, которые охотно размыргаются сильнейшими шашкистами и за которыми утвердились свои собственные названия. Приводим наиболее удачные.

1. Городская партия

1. с3—d4, d6—e5; 2. b2—c3 (или d2—e3), f6—g5; 3. g3—f4—1. с3—d4, d6—e5; 2. b2—c3 (или d2—e3), f6—g5; 3. с3—b4, g3—h4; 4. b4—d6, e7—e5.

Партия с этим началом, как и следующий дебют, была особенно разработана и употребительна среди московских игроков в той части столицы, которая носит название «Котляй-город» или просто «городка».

2. Обратная городская партия

1. с3—b4, f6—e5; 2. e3—f4, g7—f6 (или e7—f6); 3. b4—a5, f6—g5; 4. b2—c3, g3—e3; 5. d2—f4—1. с3—b4, f6—e5; 2. b2—c3, f6—e5; 3. e3—f4, g7—f6.

Ходы черных в этом дебюте подобны ходам белых в городской партии.

3. Центральная партия

1. с3—d4, d6—e5; 2. b2—c3, e7—d6 (или e7—d6); 3. g3—f4, f6—e5; 4. с3—b4.

Для этого начала характерно продвижение на втором ходе черных шашек e7 или e7 к центру.

4. Перекресток

1. с3—d4, d6—e5; 2. b2—c3, e7—d6 (или e7—d6); 3. e3—f4.

После этих ходов на доске получается фигура креста.

1. с3—d4, d6—e5; 2. b2—c3, e7—d6; 3. g3—h4, d6—e5.

6. Косяк

1. с3—b4, f6—g5; 2. g3—f4, b6—e5. По линиям a3—b4 и c—b6 генерл получается как бы фигура косяка.

7. Кол

1. с3—d4, b6—a5; 2. d4—e5, d6—b4; 3. a3—e5. Дебют носит старинное народное название; здесь шашка e5 стоит колом на путях черных.

8. Обратный кол

1. с3—b4, f6—e5; 2. g3—h4, e5—f4; 3. с3—g3, h6—f4.

9. Игра Петрова или по углам

1. с3—h4, b6—a5; 2. f2—g3, c7—b6; 3. e3—f4, d6—c5.

Это начало исследовал известный русский шашкист (ум. в 1807 г.) и составитель первого нашего руководства по шашкам—А. Д. Петров. Настоящим дебютом очень охотно играют все начинающие.

(Продолжение следует)

Обращаемся с просьбой ко всем товарищам, интересующимся шашками, присылать материал для отдела (партии, этюды, задачи, сведения о шашечной жизни на местах).

Для объявления отделе необходимо самое деятельное сотрудничество читателей.

Письма направлять в шашечный отдел «Смены».

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МОЛОДАЯ

ЦК ВЛКСМ

ГВАРДИЯ”

НОВЫЕ КНИГИ:

Чаплин, Н. и Бобршеч, И.—В полосе культурничества. Вопросы политики и культурничества в комсомоле.

Содержание: 1. Основные вехи в развитии комсомола. 2. Почему мы за культурничество и за какое культурничество. 3. О больших и малых ошибках. 4. Политика и «культурничество» в практике нашей работы. 5. О методах нашей работы. 6. Вокруг гармонки.

110 стр. Ц. 50 к.

Штейн, И. и Потапов, Н.—Всесоюзная переключка. Год работы комсомола в новых условиях.

Содержание: Ханин, Д.—Всесоюзная переключка. I. Как мы перестраивались. II. Производственное воспитание молодежи. III. В борьбе за новую деревню. IV. Вопросы быта и культурного досуга.

177 стр. Ц. 1 р.

Шлесовский, В.—Техника писательского ремесла.

Содержание: Введение. I. Газетная работа. II. Сюжетная проза. III. Выбор и разборка сюжетной ярды. VI. Развертывание произведения. V. Несколько слов о стихе. Заключение.

72 стр. Ц. 50 к.

Насонов, И.—Китайская молодежь в революционной борьбе. С 15 иллюстр.

80 стр. Ц. 50 к.

Верховцев, К. и Масс, В.—Похождения Спичкина. Комсомольские вояжики («Комсомольский театр»).

40 стр. Ц. 35 к.

Каманин, Ф.—Змей огнистый. Повесть.

128 стр. Ц. 75 к.

Кариццев, Н.—Тайна двух материков. Приключения в Африке и Азии. С 24 рисунками.

Содержание: Часть первая. В сердце Африки. В страну черных. В пустыне. Жизнь в Мурузе. На краю гибели. Среди тузем. Бегство на запад. Через пустыню. У африканского аластиса. В африканской долине. Милежюны пустыни. В плену гражданской войны. Возвращение. В сердце Судана. Африканский тиран. Совсем, как в Европе. Торгуем льдом. Обратный путь. Часть вторая. Путешествие Свена Гедина. На Востоке! Победитель гор. Занесенные песками. Без воды. Инверстрале. Спасение. На пути в Тибет. На зямковке. В запретной стране. В одежде странников.

223 стр. Ц. 1 р. 50 к.